

УДК 769.2

ББК 85.14

DOI:10.18688/aa155-6-55

Е. А. Скворцова

Иллюстрации к «Разговорам в царстве мертвых»: проблема утверждения титула императора России в XVIII веке

«Разговоры в царстве мертвых» — литературный жанр, истоки которого восходят к античности. Основой композиции подобных сочинений и жанрообразующим стержнем является спор о проблеме философского, морального или политического характера, который ведут в загробном мире исторические личности. Как отметил академик М. П. Алексеев, «Разговоры...» вполне предсказуемо «отражают не столько воззрения собеседников, сколько убеждения или сомнения авторов <...> изложенные не догматически» [1, с. 123]. Диалогическая форма привносит в повествование живость, занимательность. К тому же, искусно выстроенная полемика сообщает точку зрения, которая должна восторжествовать в конце, большую убедительность, отвергая все потенциальные контраргументы читателя. А осеняющий выводы авторитет великих мира сего, ведущих дискуссию, — полководцев, царей, философов — не оставляет никаких сомнений в их верности.

Возникший в мифах сюжет общения в потустороннем мире некоторое время существовал в качестве вкраплений в литературные произведения и в философские труды. Основоположителем «Разговоров...» как самостоятельного жанра был Лукиан из Самосаты (II в. н. э.), с именем которого и принято связывать возникшую традицию. Впоследствии «Разговоры...» бытовали в византийской литературе, как агиографической, так и светской [6]. В Западной Европе вполне закономерно они обретают распространение в эпоху Возрождения и сохраняют большую популярность вплоть до конца XVIII в. (сочинения Ф. Фенелона, Б. Фонтенеля, Г. Литтельтона и др.). В Россию жанр приходит в XVIII столетии. Обычно его относят к сатирическому направлению. Однако это верно отнюдь не во всех случаях. Нередко доминирует прославительная или философская интонация.

Развитие жанра «Разговоров в царстве мертвых» в европейской литературе стало предметом пристального внимания ученых и освещено в трудах К. Санда [26], Л. Шенка [27], Д.-Д.-Р. Оуэна [24], Ф. Кинера [21], С. Робинсона [25] — и это только специальные монографические исследования, не говоря о многочисленных обстоятельных статьях. История «Разговоров...» в России до сих пор остается недостаточно изученной, хотя они составляют солидный пласт как переводной, так и оригинальной литературы XVIII столетия в нашей стране. В начале XX в. «Разговоры...» вызывали оживленный интерес: по словам А. А. Титова, этот жанр воспринял, как «феникс из пепла» [10, с. 70]. Однако возрождение, увы, было недолговременным. В советское время «Разговоры...»

опять оказываются в тени, хотя о некоторых из них появлялись статьи. Интерес к ним есть и сегодня, яркое свидетельство чему — недавно появившаяся статья Е. Г. Исаченко [3]. Тем не менее единственным обобщающим исследованием о бытовании этого жанра в России сегодня остается книга итальянского литературоведа Н. Марчалис, до сих пор не переведенная на русский язык [23].

Настоящая статья посвящена иллюстрациям к «Разговорам в царстве мертвых», в которых в качестве персонажей выступают правители России. Задачей является прояснение на частном примере и на малоизвестном материале исторических процессов и актуальных политических задач, которые находили отражение в идеологически окрашенных формах словесного и изобразительного искусства. В центре внимания — проблема эволюции императорского титула, вопрос о коренном влиянии которой на изобразительное искусство был впервые поставлен Ю. Р. Савельевым [9].

Среди русских изданий «Разговоров...» иллюстрированных — считанные единицы. Но в рамках нашей темы следует рассмотреть также иллюстрированные иностранные издания, в которых фигурируют русские монархи. Портреты в них не всегда достоверны с точки зрения иконографии и обычно не отличаются высоким уровнем исполнения. Но подобные иллюстрации показательны как свидетельства восприятия России и российской истории.

В первой половине XVIII столетия в немецкой публицистике заметную роль играли работы Давида Фассмана, писателя родом из Саксонии, который начал свою деятельность на поприще журналистики в Лейпциге в 1718 г. По справедливому замечанию Р. Минцлова, «сверх высокопарного изложения, переполненного цитатами, странными отвлеченностями и чужеземными словами, периодические его издания совмещали в себе все, что по тогдашним понятиям казалось изящным, остроумным, эффектным» [5, с. 385]. Четверть века «Разговоры...» Фассмана пользовались неизменным успехом. Каждый выходил в свет отдельно, но со сквозной нумерацией страниц — впоследствии они составили толстые тома.

Среди них был и «Разговор <...> между замечательным московским царем Петром Великим и великим тираном Иваном Васильевичем II» (1725) [12], который полюбился публике и выдержал несколько изданий. Название ставит перед нами два вопроса. Во-первых, с 1721 г. Петр Великий обладал титулом императора. Фасман называет его «московским царем», хотя и с упоминанием прозвания «Великий», полученного Петром от Сената одновременно с императорским титулом. В названии отразилась реакция на данное событие в Европе: титул российского императора еще не был признан повсеместно. Во-вторых, смущение вызывает поименование его собеседника в царстве теней — под Иваном Васильевичем II следует разуметь Иоанна Васильевича IV (Грозного). Любопытно, что Д. А. Ровинский, описывая в «Словаре гравированных портретов...» это издание, называет второго персонажа именно Иоанном Васильевичем IV, хотя это не соответствует названию (зато находится в полном согласии с содержанием) [8, стб. 1724]. В некоторых русских источниках Иоанн Васильевич IV также назван Иоанном Васильевичем II (например, в «Россияде» М. М. Хераскова, 1779). Такая нумерация связана с развитием знаний об исторических фактах и изменением их трактовки. Коронован в качестве царя первым был Иоанн IV, но как почетное определение это

слово вводится при Иоанне III. Возможно, поэтому Иоанн Васильевич III мог именоваться Первым: предшествующие ему Иоанны — Иоанн Данилович Калита и Иоанн Иоаннович Красный — были только великими князьями, то есть статус их был ниже. Тогда Иоанн Васильевич IV оказывался Вторым после него. В иллюстрациях недостаток данных (или невнимание к исторической достоверности?) привел к созданию вымышленных образов: ни Иоанн IV, ни Петр I на фронтисписе ни по иконографии, ни по костюму не имеют ничего общего с названными историческими персонами. Хотя помещенный на том же листе портрет Екатерины I обладает несомненным сходством с иными ее изображениями.

К этой же серии изданий относится «Примечательный разговор между королем Карлом XII и царем Петром Великим...» [13], который сводит лицом к лицу венценосных противников. В иллюстрации к данному сочинению, вышедшему всего тремя годами позже (1728, Илл. 86), оба героя вполне узнаваемы. Петр, хотя и назван «царем», уже изображен в императорской короне, что отражает процесс признания нового статуса России. Латы и подбитая горностаем мантия придают его облику большую воинственность и импозантность в сравнении с его противником. Композиция довольно примитивна. Хотя художник как будто бы силится наглядно передать мотив беседы, обращая персонажей друг к другу, фигуры остаются разъединенными. Вполне в духе барокко соседство такого стремления к убедительности действия, пусть в данном случае и безуспешного, и условных приемов — например, использования геральдических символов. К ногам Карла XII лежит лев (символ Швеции), который, правда, походит скорее на комнатную собачку.

Из-под пера Фассмана вышли также «Разговор <...> между князем Меншиковым и французским маршалом фон Анкре» (1731) [15], «Разговор <...> между последним умершим молодым российским императором Петром II и его отцом царевичем Алексеем Петровичем» (1732) [16], «Разговор <...> между князем Василием Голицыным <...> и русским генералом Хохмутом» (1737) [17] и др. — все изданные с иллюстрациями портретного характера. Особый интерес представляет «Разговор <...> между императрицей Екатериной и <...> восточной царицей Зенобией» (1729) [14]. Впервые в названии издания из этой серии декларируется императорский титул правительницы России. Как известно, впоследствии он закрепился (что отразилось и в приведенном выше примере сочинения, где действующим лицом выступает Петр II). Высокому положению Екатерины как российской монархини, обозначенному в названии, соответствует хвалебный тон гравированного фронтисписа. Императрица Екатерина показана восседающей на троне под балдахином, тогда как «всемирно известной» царице Зенобии определено место у его подножия. Более того, Зенобия выражает свое почтение Екатерине аплодисментами.

Два «Разговора...» описывают посмертные свидания с иностранными монархами Анны Иоанновны. В первом она беседует с королевой Англии и Ирландии Елизаветой I (1558–1603) [20], во втором — с императором Священной Римской империи Карлом VI (1711–1740) [18; 19]. Названия обоих сочинений демонстрируют дальнейший рост международного престижа Российской империи, отразившийся в титулатуре Анны, названной в первом случае «императрицей и самодержицей всех русских» [20] и во втором — «наисветлейшей, премогущественной (grossmachtige) императрицей

и государыней (Gross Furstin) <...> и самодержицей российской» [18; 19]. Одной из принципиальных тенденций внешней политики Анны Иоанновны было соперничество с австрийской императорской династией. Характерным примером может служить комментарий к «Генеральному плану войны» с Портой (1735–1741) фельдмаршала Б.-Х. фон Миниха. Финалом ее должно было стать взятие Стамбула и коронация Анны Иоанновны греческой императрицей в соборе Святой Софии. «И кто тогда спросит, чей по праву императорский титул? Того, кто коронован и помазан во Франкфурте (Карла VI. — прим. автора) или в Стамбуле?» [2, с. 275–276]. Правда, кровопролитная война закончилась с очень скромными для России результатами. Однако это не отменяет стремления молодой Российской империи к соревнованию с империей Габсбургов за подлинность своего высокого звания, которое, строго говоря, может быть присвоено лишь одному государству. Поэтому избрание в качестве собеседников таких современников, как Карл VI и Анна Иоанновна, было отнюдь не случайным. При этом титул Карла VI, использованный в заглавии в более развернутом варианте, свидетельствует о признании его превосходства: «наисветлейший, премогущественный и неодолимейший император, правитель (Fursten) и господин (Herrn), Священной Римской империи избранный император, король Венгрии и Богемии, эрцгерцог Австрии». Но даже то, что Анна Иоанновна позиционирована почти на равных с Карлом VI, было уже большим завоеванием. Мысль о паритетности их отношений подкрепляет иллюстрация (Илл. 87), композиция которой построена по принципу симметрии и изокефалии. Над тронами обоих правителей помещены двуглавые орлы: и Австрия, полагавшая себя преемницей Западной Римской империи, и Россия, утверждавшая себя в качестве наследницы империи Восточной, пользовались одним гербом, который считался символом великого римского прошлого, хотя двуглавый орел никогда не был гербом ни Рима, ни Византии [11, с. 24]. Карл VI изображен портретно точно. Анна Иоанновна в двух изданиях этого «Разговора...», вышедших в один год (1741), представлена несколько по-разному, хотя Д. А. Ровинский описывает оба портрета как идентичные и сводит к типу Каравакка. В том, что вышло в Брауншвейге и Лейпциге, черты лица действительно близки ему [18]. Однако в магдебургском издании, более тонком по работе и, вероятно, являющемся первоисточником, сходство очень отдаленное, образ Анны Иоанновны получился неожиданно милостивым [19].

Сочиненный Фасманом «Разговор...» Анны Иоанновны с Елизаветой I [20], подразумевавший их сопоставление, был своего рода прелюдией к внедрению образа английской королевы в русскую литературу более позднего периода. Елизавета I воспринималась в ореоле мифо-поэтической и мифо-политической семантики предания об Астрее — и здесь мы вновь вспоминаем об Античности: после четвертой эклоги «Буколик» Вергилия (39–41 гг. до н. э.) оно стало неперменным атрибутом имперской символики. Наступление золотого века римский поэт связывал с пришествием Девы (Астреи) и рождением Божественного Младенца. Символика Астреи достигла расцвета в английской поэзии XVI в., когда под этим именем поэты воспевали королеву-девственницу Елизавету, а начало «золотого века» Англии предрекали вместе с достижением морского превосходства над другими странами [7, с. 60–62, 176]. Судьбу метафоры четвертой эклоги Вергилия в России XVIII столетия исчерпывающе

проанализировала В. Ю. Проскурина. В отечественном искусстве символизм Астреи обрел острое идеологическое звучание ввиду пребывания на престоле правительниц-женщин и неясности порядка престолонаследия. Проскурина прослеживает путь образа от оды М. В. Ломоносова, посвященной Иоанну Антоновичу и его матери Анне Леопольдовне, через памятники царствования Елизаветы, уподоблявшейся не только деве Астрее, но и интересующей нас Елизавете Английской и по незамужнему статусу, и по имени, ко времени Екатерины II, ознаменовавшемуся новой волной астрейной аллегории в искусстве — сначала в связи с концепцией регентства при малолетнем Павле, затем — в связи с громкими морскими победами [7, с. 65–82].

Введение в этот контекст «Разговора...» Елизаветы и Анны Фассмана позволяет констатировать более раннее появление астрейных аллюзий на русской почве: впервые они возникают в отношении не Анны Леопольдовны, а Анны Иоанновны, пусть и не напрямую, а имплицитно, через Елизавету Английскую. Иллюстрация к «Разговору...» (Илл. 88) подтверждает и расширяет астрейные ассоциации, заложенные в самом соотношении Анны с Елизаветой. Императрица и королева изображены на фоне морской глади, усеянной кораблями. Значение морского пейзажа в композиции оттенено и намеренно введенным мотивом откинутой драпировки, и указующими жестами правительниц. Императорская корона покоится на подушечке, а голова государыни увенчана шляпой характерного покроя. На Анне Иоанновне цепь Андреевского ордена, в руках у нее подзорная труба, у ее ног — различные предметы, указывающие на поверженную Турцию, что еще более усиливает милитарную тему: через войну с Портой — к подлинной империи. Недаром появляется и Библия: речь идет, конечно, о христианской империи. К тому же в идеологии времени Елизаветы I Английской энергично разрабатывалась «концепция прямой династической и теологической связи англиканской церкви и королевской власти с “греческим” христианством» [7, с. 176], что опять же давало почву для выбора в качестве собеседниц ее и российской императрицы.

Таким образом, серия «Разговоров...» Фассмана дает возможность проследить процесс утверждения имперского достоинства России во время ближайших преемников Петра на литературном и изобразительном материале. Следует учитывать, что эти издания появились в Лейпциге, в Саксонии, отношения которой с Россией в этот период были дружественными. Анна Иоанновна силой оружия помогла Августу Саксонскому занять польский престол. И впоследствии в Семилетней войне Саксония была в числе союзников России. Поэтому акцентирование высокого статуса российского императора легко объяснимо.

Одним из очень немногих иллюстрированных русских изданий «Разговоров...» является «Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого...», приписываемое П. Н. Крекшину (1684–1763) — новгородскому дворянину, историку, вернее, писателю. В конце XVIII – начале XIX века это сочинение издавалось четырежды (трижды с иллюстрациями — издания 1789, 1794, 1808 гг.). [4]. В нем Петр I, обретший титул императора и тем самым поднявший российскую государственность на новую ступень, представлен как продолжатель дела Иоанна Грозного, впервые коронованного в качестве русского царя (1547). Именно взволнованный вопрос Иоан-

на Грозного о титуле прибывшего в царство теней Петра открывает их беседу. Затем в разговор вступает Карл XII и пытается отстоять свое преимущество перед Петром. Но его осаждают сам израильский царь Соломон. Другой строптивец, посмеявшийся оспаривать ведущую роль России в мировой истории, не кто иной, как Александр Македонский. Но тут спешит вмешаться Карл XII, уже сам вставший на точку зрения Петра, а российский император несколькими аргументами довершает разгром притязаний македонского царя. Издания сопровождают исполненные в архаичной манере иллюстрации: на фронтисписе представлены все герои сочинения, на первой иллюстрации — царь Иоанн с Б. П. Шереметевым и Ф. А. Головиным, на второй — беседующие Петр и Иоанн, за которыми стоят Шереметев и Головин.

К «Разговорам в царстве мертвых» по форме, характеру содержания и целям создания очень близок «Разговор портретов и медальонов», написанный Екатериной II [22]. Он связан с таким программным памятником екатерининской эпохи, как Чесменский дворец. Построенный по проекту Ю. М. Фельтена (1774–1777) в готическом духе, этот дворец вмещал галерею портретов монархов Европы, правивших в одно время с Екатериной, и членов их семей, общим количеством пятьдесят девять. Над ними располагались барельефы с изображениями российских великих князей и государей, исполненные Ф. И. Шубиным, всего — пятьдесят восемь. Центральной идеей этого ансамбля был высокий статус возглавляемой законным монархом Российской империи в Европе, объединенной кровными узами правящих домов.

«Разговор портретов и медальонов» был будто бы нечаянно услышан сторожем в Чесменском дворце ночью. В своем опусе Екатерина обнажает недостатки европейских монархов-современников — суеверную набожность Марии-Терезии, практицизм ее сына Иосифа II, небезупречную нравственность ее дочерей. Предшественники Екатерины на российском троне тоже не избежали участи быть подвергнутыми ею критике: выставлены напоказ чрезмерное пристрастие Елизаветы Петровны к нарядам, жестокость Анны Иоанновны. Более всего достается непосредственным предшественникам Екатерины: таким образом она стремилась оттенить свое превосходство. В то же время императрица подчеркивает достоинства древних русских князей и Петра I, продолжательницей дела которого она стремилась себя представить.

Екатерина пишет легко, с иронией, «в улыбатальном духе», свои идеи подает намеком, без навязчивости — «все это придает большую прелесть разговору». Отрывочные фразы, полуявь-полусон, кажется, и правда могут быть услышанными ночью в старинном родовом замке, каким должен был казаться Чесменский дворец, пусть он и был только что построен. Жанр воображаемого разговора в той своей разновидности, когда действующими лицами выступают портреты, а не тени, более убедителен. Если беседа обитателей царства мертвых — сюжет, создаваемый сугубо умозрительно, то беседа портретов, тоже невозможная в действительности, пожалуй, может вообразиться всякому, кто оказался в эмоционально насыщенном пространстве портретной галереи.

В Европе во второй половине XVIII в. жанр «Разговоров в царстве мертвых» подвергается критике за свою неуклюжую фантастичность. Один из авторов оправдывался тем, что это суть аллегии [21, с. 13–14]. Но и аллегии в это время мыслились и переживались уже иначе, чем в предшествующую эпоху. Возникновение идеи разговора портре-

тов было как нельзя более кстати. Этот мотив был введен Х. Уолполом в «Замке Отранто» (1764), который считается первым готическим романом. Возник ли замысел Екатерины II под впечатлением от этой книги? Скорее всего, она была известна порфиноносной читательнице. Утверждать это позволило бы наличие романа в комнатной библиотеке Екатерины, но каталог ее, над созданием которого работает И. И. Зайцева, пока не закончен, и уяснение этого вопроса остается делом будущего. Так или иначе, Екатерина II была первой в истории правительницей, которая сменила роль персонажа «воображаемого разговора», подвластного оценкам автора, на роль его всесильного создателя.

Итак, «Разговоры в царстве мертвых», будучи жанром, во многом ориентированным на отражение актуальных политических проблем, не обошли такой важнейшей для русского XVIII в. вехи, как утверждение имперского достоинства правителя России. Эта тема нашла воплощение как в русских «Разговорах...», передающих амбиции возмужавшего государства, так и в европейских, отражающих реакцию на них извне. Зарубежные сочинения, прежде всего Давида Фассмана, демонстрируют постепенное признание статуса России на международной арене, выразившееся в признании императорского титула российского монарха. Особенно очевидным это становится на изобразительном материале, наглядно и лаконично фиксирующем восприятие страны и ее главы, а порой и добавляющем новые оттенки к тексту. Эволюцию самого жанра демонстрирует «Разговор портретов и медальонов», написанный Екатериной II, в котором найдены стиль и сюжетно-эмоциональное обоснование, сообщающее повествованию живую убедительность. Причем произведения изобразительного искусства здесь уже не сопроводительный и подчиненный материал — иллюстрация, а напротив, первичный источник для создания текста. И это свидетельствует о глубокой органичности жанра «Разговоров в царстве мертвых» для художественного мышления XVIII в. со свойственным ему особым образным историзмом, имеющим выражение в непосредственном сведении в одном произведении персонажей разных эпох.

Литература

1. Алексеев М. П. Монтескье и Кантемир // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. – Л.: Наука, 1983. – С. 119–146. .
2. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 368 с.
3. Исаченко Е. Г. «Разговоры в царстве мертвых» А.П.Сумарокова // Литературная культура России XVIII века. Вып. 5 / СПбГУ, Филолог. фак-т, каф-ра истории русской литературы, семинар «Русский XVIII век» / Отв. ред. П. Е. Бухарин, Е. М. Матвеев. – СПб., 2014. – С. 100–118.
4. Крекшин П. Н. Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого, его знаменитых побед и путешествий в разные европейские государства, со многими разными и любопытства достойными происшествиями. – М.: Моск. Сенат. тип., 1789. – 150 с.
5. Минцлов Р. Библиографические отрывки. Статья пятая. Несколько редких и малоизвестных иноязычных сочинений, относящихся до Петра Великого и его века // Отечественные записки, 104 (№ 2). – 1856. – С. 345–395.
6. Полякова С. В. Византийский сатирический диалог // Византийский сатирический диалог. – Л.: Наука, 1986. – С. 129–165.
7. Прокураина В. Ю. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: НЛО, 2006. – 328 с.
8. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов: [в 4 т.]. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1886–1889. – Т. 3. – 393 с.
9. Савельев Ю. Р. Эволюция императорского титула и развитие дворцового ансамбля Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века: к постановке проблемы // Вспомогательные исторические дисциплины в

- современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции, Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г.: [в 2 ч. / Отв. ред. Ю. Э. Шустова]. – Ч. II. – М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2013. – С. 509–512.
10. *Титов А. А.* Разговор в царстве мертвых // Исследования отдела русского языка и словесности, XII. Кн. 3. – 1907. – С. 70–97.
 11. *Эскин Ю. М.* Титулярник — тексты и иллюстрации // Царский титулярник: [в 2 кн.]. Кн. 2: Тексты, исследования, материалы. – М.: Фонд Столярова, 2007. – С. 12–33.
 12. [*Fassman D.*] Gespräche in dem Reiche derer Todten, Fünf und Achtzigste Entrevuë, Bestehende, In einer weitem Fortsetzung derer beiden Vorhergehenden, Zwischen Dem vortreflichen Moscovischen Czaar Petro Magno, und Dem grossen Tyrannen, Ivan Basilowiz II. Ebenfalls einem Czaaren von Moscau, Worinnen viele sonderbare Nachrichten, von dem Leben und der Regierung Petri Magni, mitgetheilet werden. Samt dem Kern derer neuesten Merkwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen. – Leipzig: Deer, 1725. – 71 S.
 13. [*Fassman D.*] Curieuses und Besonders Gespräche In dem Reiche derer Todten, Zwischen Dem Helden-müthigen Könige in Schweden Carl XII. Und Dem unvergleichlichen Czaar Petro Magno, Worinnen Ihre gantze Historie und rühmliche Thaten beschrieben. — Frankfurt — Leipzig: [s.n.], 1728. – 56 S.
 14. [*Fassman D.*] Gespräche In Dem Reiche derer Todten, Hundert Neun und Zwansigste Entrevuë, Zwischen Der Russischen Kayserin Catharina, Und Der weltberühmten Orientalischen Königin Zenobia, Worinnen, nebst einer Lesens-würdigen Dedication und Vorrede zum 9ten Band dieser Gespräche, auch mancherley sonderbaren Discursen, die herrliche Historie beyder grossen Printzeßinnen enthalten. Samt dem Kern derer neuesten Merckwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen. – Leipzig: Deer, 1729. – 72 S.
 15. [*Fassman D.*] Gespräche in dem Reiche derer Todten, Hundert Acht und Dreyßigste Entrevue. Zwischen Dem Knees Menzikoff, und Dem Frantzösischen Marschall von Ancre, worinnen, nebst ganz sonderbaren Discursen, dieser beyden wundersamen Personen gehabtes Erstaunenswürdiges Glücke, aber auch darauf erfolgter, erschrecklicher Fall, (...) enthalten. – Leipzig: Deer, 1730. – 67 S.
 16. [*Fassman D.*] Gespräche in dem Reiche derer Todten, Hundert Neun and Dreyßigste Entrevuë, zwischen Dem letzt-verstorbenen jungen Russischen Kayser Petro II. und Seinem Vater, dem Czaarewitz, Alexio Petrowitz, Worinnen die Historie des Letztern, nebst vielen sonderbaren Discursen und Nachrichten enthalten. Samt dem Kern derer neuesten Merkwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen. – Leipzig: Deer, 1732. – 79 S.
 17. [*Fassman D.*] Gespräche im Reiche derer Todten, Zwei Hundert Vier und Zwansigste Entrevuë, Zwischen Dem Russischen Knees oder Fürsten, Basilio Galliczyn, Der im vorigen Seculo, al sein grosser Czaarischer General und Ministre, berühmt worden , Und Dem, im verwichenen 1736ten Jahre verstorbenen, Vortreflichen Russischen General Carl von Hochmuth, Linen Sachsen von Geburt, Worinnen, unter vielen herrlichen Discursen, beyder aufgeführt Personen Leben, gehabte sonderbare Fata, und gethane Thaten enthalten. Samt dem Kern derer neuesten Merkwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen. Ingleichen dem Register zum Vierzahnden Band dieser Gespräche. – Leipzig: Deer, 1737. – 87 S.
 18. [*Fassman D.*] Erster Theil Des Gespräches im Reiche derer Todten, zwischen dem Allerdurchlauchtigsten, Großmächtigsten, unüberwindlichsten Kayser, Fürsten und Herrn, Carolo VI. Des Heil. Römischen Reichs erwehltten Kayser, Könige zu Ungarn und Böhheim, Erzherzoge zu Oesterreich. Und der Allerdürchlautisten, Großmächtigsten, Kayserin und Groß-Fürstin, Frauen Anna, Kayserin, Groß-Fürstin and Selbst-Erhalterin von Russland. Worinnen dieser beyden höchsten Häupter Leben, und eines ewigen andenkenswürdige Thaten, ganz besonders hohe Eigenschaften, und was zu ihren Historien gehört, zu finden. – Braunschweig — Leipzig, 1741. – 112 S.
 19. [*Fassman D.*] Erster Theil Des Gespräches im Reiche derer Todten, zwischen dem Allerdurchlauchtigsten, Großmächtigsten, unüberwindlichsten Kayser, Fürsten und Herrn, Carolo VI. Des Heil. Römischen Reichs erwehltten Kayser, Könige zu Ungarn und Böhheim, Erb-Herßoge zu Oesterreich. Und der Allerdürchlautisten, Großmächtigsten Kayserin und Groß-Fürstin, Frauen Anna, Kayserin, Groß-Fürstin and Selbst-Erhalterin von Russland. Worinnen dieser beyden höchsten Häupter Leben, und eines ewigen andenkenswürdige Thaten, ganz besonders hohe Eigenschaften, und was zu ihren Historien gehört, zu finden. – Magdeburg: Gottfried Bettern, 1741. – 136 S.
 20. [*Fassman D.*] Gespräch im so genannten Reiche der Todten, zwischen Elisabetha, Königin von England und Ireland, und Anna Ivanowna, Kayserinn und Selbst-Halterin aller Russen darinnen dieser beyden Damen merckwürdiges Leben und Ihre so Weise, als Höchst – Beglückte Regierung, aus sonderbaren Nachrichten, glaubwürdig erzehlet wird. – Franckfurt am Mayn: Heinrich Lüdwig Brönnner, 1741. – 168 S.
 21. *Keener F. M.* English Dialogues of the Dead: A Critical History, an Antology and a Check List. – New York — London: Columbia University Press, 1973. – 302 p.
 22. Le Chateau de Thesma: L'entretien des portraits et medallions // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина: [в 12 т.]. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1907. – Т. 12 – С. 583–594.
 23. *Marcialis N.* Caronte y Catarina: Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo. Pubblicazioni del Dipartimento di Lingue e Letterature Comparate dell ail Universita degli Studi di Roma. – Roma: Bulzoni, 1989. – 307 p.

24. Owen D. D. R. *The vision of Hell: infernal journeys in medieval French literature*. – Edinburgh: Scottish Academic Press, 1970. – 322 p.
25. Robinson C. *Lukian and His Influence in Europe*. – London: Duckworth, 1979. – 248 p.
26. Šanda K. *Der Totendialog bei Lukian, Boileau und Fontenelle*. – Wien: K. K. Staatsrealschule, 1916. – 31 S.
27. Schenk L. *Lukian und die französische Literatur im Zeitalter der Aufklärung*. – München: C. Wolf & Sohn, 1931. – 154 p.

Название статьи. Иллюстрации к «Разговорам в царстве мертвых»: проблема утверждения титула императора России в XVIII веке.

Сведения об авторе. Скворцова Екатерина Александровна — кандидат искусствоведения, старший преподаватель. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. skvoreca@mail.ru.

Аннотация. В XVIII в. одной из тем распространенного жанра «Разговоров в царстве мертвых» становится утверждение имперского достоинства правителя России. Она нашла воплощение как в русских сочинениях, передающих амбиции возмужавшего государства, так и в европейских, отражающих реакцию на них извне. Серия «Разговоров...» немецкого писателя Д. Фассмана демонстрирует постепенное признание статуса России на международной арене на протяжении второй четверти XVIII в., выразившееся в признании императорского титула российского монарха. Гравированные иллюстративные фронтисписы наглядно фиксируют восприятие русского самодержца. Эволюцию жанра демонстрирует близкий «Разговорам в царстве мертвых» «Разговор портретов и медальонов», написанный Екатериной II по поводу Чесменского дворца (не ранее конца 1770-х гг.), в котором были представлены живописные портреты европейских монархов — ее современников и скульптурные — русских князей, царей и императоров. Найденные в этом литературном опусе стиль и сюжетно-эмоциональное обоснование сообщают повествованию живую убедительность. Произведения изобразительного искусства здесь не сопроводительный материал — иллюстрация, а напротив, источник для создания текста. «Разговоры в царстве мертвых» были жанром, органичным для художественного мышления XVIII в. со свойственным ему особым образным историзмом, имеющим выражение в сведениях в одном произведении персонажей разных эпох.

Ключевые слова: «Разговоры в царстве мертвых»; императорский титул; немецкая публицистика второй четверти XVIII в.; россика; Россия глазами иностранцев; династические портретные галереи; слово и изображение; книжная графика.

Title. Illustrations to “Dialogues of the Dead”: a Problem of the Validation of the Title of the Russian Emperor in the 18th Century

Author. Skvortcova, Ekaterina Aleksandrovna — Ph D., head lecturer. Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. skvoreca@mail.ru.

Abstract. Being a form of politically-charged advocacy journalism, in the 18th century a genre of “Dialogues of the Dead” was to contribute to the discussion of a newly-gained title of a Russian ruler — a title of the Emperor. It is treated both in Russian works, which suggest growing ambitions of the Russian state, and in European ones, indicative of the response to them from abroad. A series of “Dialogues” by a German writer D. Fassman demonstrates gradual recognition of Russia’s new status in the international arena during the second quarter of the 18th century, as reflected in the validation of the title of Russian Emperor. Engraved illustrations on frontispieces embody the perception of Russia and Russian monarch and in some cases add new tints to the text. The evolution of the genre is evident in “Conversation of portraits and medallions”, written by Catherine II on the Chesme Palace (not earlier than the late 1770s) which featured a gallery of painted portraits of European monarchs — Catherine II’s contemporaries and bas-relief portraits of her predecessors on the Russian throne — Russian princes, tsars and Emperors. A modified subject-matter as well as the literary style makes it more compelling than traditional “Dialogues of the Dead”. Pieces of art are no longer accompanying material (illustrations), but a source of inspiration for creating a text. “Dialogues of the dead” chimed brilliantly with the way of artistic thinking typical for 18th century, with its specific figurative historicism, reflected in bringing together historical characters from different epochs.

Keywords: Dialogues of the Dead; a title of the Russian Emperor; German advocacy journalism of the second quarter of the 18th century; Rossica; Russia in perception of foreigners; dynastic portrait galleries; a word and an image; book illustration.

References

- Alekseev M. P. *Montesquieu i Kantemir. Sravnitel'noe literaturovedenie (Comparative literary studies)*. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 119–146 (in Russian).
- Anisimov E. V. *Anna Ioannovna*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2002. 368 p. (in Russian)
- Cosentini J. W. *Fontenelle’s Art of Dialogue*. New York, King’s Crown Press, 1952. 240 p.
- Egilsrud J. *Le dialogue des morts dans les littératures française, allemande et anglaise, 1644–1789: thèse de doctorat, Université de Paris*. Paris, L’Entente linotypiste Publ., 1934. 223 p. (in French).
- Elliott K. *Portraiture and British gothic fiction. The rise of picture identification, 1764–1835*. Baltimore, Md, Johns Hopkins univ. press Publ., 2012. 336 p.

- Ermasov E. V. *Petr I i Rossiia v nemetskoj publitsistike pervoi chetverti XVIII veka (Petr I and Russia in German advocacy journalism of the first quarter of the 18th century)*, A Ph. D. abstract. Saratov, no Publ., 2000. 22 p. (in Russian).
- Eskin Iu. M. Tituliarnik — texts and illustrations. *Tsarskii Tituliarnik: Teksty, issledovaniia, materialy (Tsar's Tituliarnik: Texts, Research works, Materials)*, Moscow, Fond Stoliarova Publ., 2007, vol. 2, pp. 12–33 (in Russian).
- Isachenko E. G. "Dialogues of the Dead" by A. P. Sumarokov. *Literaturnaia kul'tura Rossii XVIII veka (Literary Culture of Russia in the 18th century)*. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet Saint Petersburg State University Publ., 2014, no. 5, pp. 100–118 (in Russian).
- Keener F. M. *English Dialogues of the Dead: A Critical History, an Antology and a Check List*. New York — London, Columbia University Press Publ., 1973. 302 p.
- Krotov P.A. "Around the work his ornaments he pours..." *Rodina (Motherland)*, 2009, 2, pp. 50–53 (In Russian)
- Marcialis N. *Caronte y Catarina: Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo. Pubblicazioni del Dipartimento di Lingue e Letterature Comparete dell ail Universita degli Studi di Roma*. Roma, Bulzoni Publ., 1989. 307 p. (in Italian).
- Mintsov R. I. Bibliographical Passages. Fifth article. A Few Rare and Little-known Foreign Works Related to Peter the Great and His Century. *Otechestvennye zapiski (Nation Paper)*, 1856, vol. 104, no. 2, pp. 345–395 (in Russian).
- Owen D. D. R. *The vision of Hell: infernal journeys in medieval French literature*. Edinburgh, Scottish Academic Press Publ., 1970. 322 p.
- Poliakova S. V. Byzantine Satiric Dialog. *Vizantiiskii satiricheskii dialog (Byzantine Satiric Dialog)*. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 129–165 (in Russian).
- Proskurina V. Iu. *Myths of the Empire: Literature and Power in the epoch of Catherine II*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 328 p. (in Russian).
- Rentsch J. Das Totengespräch in der Literatur. *Lucianstudien I, Wissenschaftliche Beilage zu dem Programme des königlichen Gymnasiums zu Plauen*. Plauen, M. Wieprecht Publ., 1895, pp. 15–41 (in German).
- Robinson C. *Lukian and His Influence in Europe*. London, Duckworth Publ., 1979. 248 p.
- Rovee C. *Imagining the gallery: the social body of British Romanticism*. Stanford, California, Stanford University Press Publ., 2006. 251 p.
- Rovinskii D. A. *A Detailed Dictionary of Russian Engraved Portraits, vol 3*. Saint Petersburg, tipografia Imperatorsloi Akademii Nauk Publ., 1886–1889. 393 p. (in Russian).
- Šanda K. *Der Totendialog bei Lukian, Boileau und Fontenelle*. Wien, K. K. Staatsrealschule Publ., 1916. 31 p. (in German).
- Savel'ev Iu. R. Evolution of the Emperor's and Development of Palace Ensemble of Saint Petersburg in the first half of the 18th century: To the Formulation of the Problem. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 31 ianvaria – 2 fevralia 2013 (Auxiliary Sciences of History. International Academic Conference, Moscow, January 31 – February 2, 2013)*. Moskva, Izdatel'skii tsentr Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta Publ., 2013, vol. II, pp. 509–512 (in Russian).
- Schenk L. *Lukian und die französische Literatur im Zeitalter der Aufklärung*. München, C. Wolf & Sohn Publ., 1931. 154 p. (in German).
- Titov A. A. *A Dialogue of the Dead. Issledovaniia ot dela russkogo iazyka i slovesnosti (Research works of the Department of Russian Language and Literature)*, 1907, vol. XII, no. 3, pp. 70–97 (in Russian).